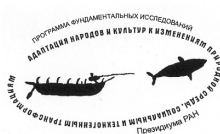


УДК 930.85
ББК 71.04
А28

Публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Адаптация народов и культур к изменениям природной среды,
социальным и техногенным трансформациям»



Ответственные редакторы:
А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков

Утверждено к печати Отделением историко-филологических наук РАН

A28

Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков ; Отд.-ние ист.-филол. наук РАН. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 544 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1276-8

Книга познакомит читателей с результатами Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008 гг.). В рамках программы были интегрированы усилия историков, археологов, этнологов, антропологов и лингвистов, работы которых велись по шести направлениям: Механизмы и формы культурной адаптации человека к изменениям природно-климатической системы; Экологические аспекты культурогенеза в древности и Средневековье; Адаптация как фактор формирования антропологического своеобразия древнего и современного населения Евразии; Этнические общности и мигранты; Культурная и языковая динамика в исторической ретроспективе; Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах. Исследованы исторические и современные формы, механизмы и последствия социально-культурных адаптаций.

Для археологов, историков, антропологов, социологов, лингвистов и широкого круга читателей.

УДК 930.85
ББК 71.04

ISBN 978-5-8243-1276-8

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2010
© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Оформление. Издательство «Российская политическая энциклопедия», 2010

орудий особенно выразительны микропластины с притупленным краем и листовидные бифасы. Дополняет коллекцию достаточно яркая серия орудий и украшений из кости и зубов животных — иглы с ушком, острия-проколки, подвески из зубов оленя, обработанные костяные пластины, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, цилиндрические бусины-пронизки и плоские бусины-колючки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

В целом каменные индустрии заключительной стадии верхнего палеолита мало отличаются от технокомплексов предшествующего этапа. Эта преемственность выражается в сочетании некоторых архаичных (радиальные и леваллуазские нуклеусы, мустероидные скребла и зубчатые орудия) и хорошо выраженных верхнепалеолитических (призматические и торцовые нуклеусы, концевые скребки, срединные резцы, микропластины с притупленным краем, вкладышевые инструменты) элементов как в системе первичного расщепления, так и в типологическом составе каменного и костяного инвентаря. Вместе с тем эти материалы отражают дальнейшее развитие палеолитических традиций, которое проявлялось в последовательном расширении базы пластинчатого расщепления, прежде всего за счет более активного использования микропластинчатых технологий.

Таким образом, археологические материалы многослойных памятников долины Ануя, отражая длительный процесс постепенной эволюции каменных индустрий, свидетельствуют о преемственности технологических традиций древнейшего населения Алтая на основных культурно-хронологических этапах палеолитического времени.

В природном отношении в плейстоцене для этой территории было характерно достаточно широкое разнообразие растительных и животных сообществ. Многокомпонентные природные условия были обусловлены контрастным строением рельефа, различной ориентацией горных склонов и значительным перепадом относительных высот. На одном участке речного бассейна одновременно существовали долинские леса с участием широколиственных пород, смешанные сосново-березовые леса, массивы темнохвойной тайги, степные и луговые ассоциации, нивальные биотопы с полупустынными и тундровыми элементами. Пространственное соотношение этих природных комплексов постоянно менялось, прежде всего под воздействием колебаний климата.

В целом на этой территории на протяжении плейстоцена сохранялись относительно стабильные и многокомпонентные природные условия, которые откладывали свой отпечаток на историю становления и развития палеолитических культурных традиций.

Лисицын С. Н.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА НА РУБЕЖЕ ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА КАК ФАКТОР КУЛЬТУРОГЕНЕЗА НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Экосистема позднего верхнего палеолита и специфика охотничьего вооружения человека в перигляциальной зоне

В заключительный период последнего оледенения, закончившегося примерно 10,3 тыс. л. н., восточноевропейские охотники эпохи верхнего палеолита в центральных и северо-восточных областях Восточной Европы обитали в суровых перигляциальных условиях. Удивительное и во многом неподдающееся до сих пор объяснению богатство животного мира в конце позднего плейстоцена обеспечивало человека всем необходимым. Судя по количеству известных находок этой эпохи на территории Восточной Европы, с задачами жизнеобеспечения люди справлялись успешно. В позднеледниковое

время области постоянного обитания палеолитического человека располагались к югу и к востоку от ледникового щита. Группа поздневалдайских памятников известна в бассейне р. Десны, Днепра и Сейма. Другая группа памятников конца верхнего палеолита относится к бассейну р. Оки и Дона, третья располагалась в бассейнах р. Камы и Печоры.

Интенсивное таяние ледника, начавшееся 15–14 тыс. л. н., положило конец устойчивости экосистемы перигляциальной флоры и фауны и привело к постепенному вымиранию крупных животных, на которых охотились люди палеолита, — мамонта, овцебыка, первобытного бизона, плейстоценовой лошади и смещению ареалов обитания северного оленя, песца и других холодолюбивых животных.

Вместе с тем освобождение от ледникового гнета обширных пространств северо-запада откры-

вало возможности колонизации новых территорий для флоры и фауны, а следовательно, и для человека. Археологические данные довольно скупо освещают процесс заселения первобытными людьми бывших ледниковых территорий в промежутке времени 14–10 тыс. л. н. На это время, соответствующее в археологической периодизации финальному палеолиту, приходится окончательная деградация ледникового покрова валдайского (вюрмского) оледенения в Северной Европе и формирование природных условий, близких к современным.

Абсолютная хронология восточноевропейского финального палеолита (13–10 тыс. л. н.) на настоящее время, в отличие от позднего верхнего палеолита (19–13 тыс. л. н.), имеющего относительно полную радиоуглеродную колонку дат, изучена крайне фрагментарно, т. к. природные условия на рубеже плейстоцена и голоцена способствовали разрушению культурного слоя, а песчаные почвы не позволили сохраниться органическим материалам, пригодным для абсолютного датирования. Отдельные финальнопалеолитические памятники относительно надежно датированы в Юго-Восточной Прибалтике, а также в южной части Русской равнины, где сохранность органических остатков позволила сделать палинологические и радиоуглеродные определения¹⁹³.

Для большей части Восточной Европы такие данные единичны. Поэтому материалы финального палеолита часто датируются в широком временном диапазоне. Его нижний предел определяется исчезновением наиболее поздних памятников верхнепалеолитического облика, имеющих радиоуглеродные определения 14–13 тыс. л. н.¹⁹⁴ Верхним хронологическим репером служит появление надежно датированных мезолитических культур: кундской в Восточной Прибалтике, бутовской и иеневской в Верхневолжье, которые имеют наиболее ранние абсолютные датировки порядка 10,3–9,6 тыс. л. н.¹⁹⁵ Таким образом, хронологически промежуточные финальнопалеолитические памятники попадают во временную лагуну длительностью порядка 4 тысячелетий, что для позднего каменного века является весьма ощутимым пробелом в археологической летописи.

Территория Русской равнины в поздневалдайское время находилась под доминирующим влиянием ледника. Ледниковый щит, краевая зона которого занимала бассейны современных р. Немана, Западной Двины и верховьев Волги, был главным фактором, определявшим устойчивость уникальной системы конца ледниковой эпохи¹⁹⁶. Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что климат, хотя и был суровым, со среднегодовыми температурами более чем на 10 градусов ниже со-

временных, но отличался необычайной сухостью, сильными ветрами и малоснежными зимами¹⁹⁷. При этом солнечная активность находилась примерно на нынешнем уровне, что благоприятно сказывалось на объеме фитомассы и обусловило повсеместное распространение тундростепи — типа ландшафта, который не известен в современности. Для тундростепи было характерно господство травянистой степной растительности при постоянном присутствии кустарничковых и тундровых ассоциаций, а также смешанных лесных сообществ в защищенных от ветра балках и поймах рек. Непрерывный процесс накопления лёсса, происходивший вследствие ветровой активности, а также мощный цикл водосброса в бассейнах крупных рек — Днестра, Днепра, Волги и Дона, питавшихся от подпруженных моренными образованиями крупных приледниковых озер, обеспечивали устойчивость такого мозаичного ландшафта.

В данном природном окружении существовал специфичный состав фауны, известный как мамонтовый (верхнепалеолитический) териокомплекс, включавший виды животных, которые соответствуют разным ландшафтно-климатическим зонам: тундровой (мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лемминг, песец, овцебык), лесной (заяц, благородный олень, лось, бобр) и степной (лошадь, бизон, тур, сайгак)¹⁹⁸.

Средообразующим животным, который определял стабильность всей сложившейся экосистемы на большей территории Русской равнины, на заключительном этапе плейстоцена был мамонт. Доминирование мамонта в фауне позднего плейстоцена региона (кроме самых южных районов в Северном Причерноморье, где преобладал бизон и юго-западных районов Днестра и Прута с преобладанием северного оленя) во многом еще трудно поддается объяснению. Мамонт сосуществовал с намного более плодовитыми видами травоядных — северным оленем, бизоном и лошастью, т. е. стадными животными, которые обладали возможностью быстрого воспроизводства и были способны на протяженные миграции. Считается, что частота воспроизводства мамонта была примерно на уровне современных слонов (рождался один детеныш не чаще одного раза в 3 года), многократно уступая копытным¹⁹⁹.

При всем при этом мамонт успешно конкурировал с копытными до самого финала позднего плейстоцена. Возможное объяснение данного феномена кроется в том, что мамонт занимал нишу обитателя богатых кормом речных долин, где поддерживал наиболее пригодную для своего обитания пастбищную экосистему. Сходная по типу картина наблюдается в африканской парковой саванне, где слоны также являются средообразующим видом: они вытаптывают молодой кустарник и пробивают све-

товые бреши в зарослях, удобряют почву, ускоряя тем самым рост травяной растительности — своей основной пищи.

Стадные копытные животные ледниковой эпохи на Русской равнине в каком-то отношении были зависимы от господствовавших в плодородных долинах травоядных гигантов. Там, где проходили пути их миграций, оставалась преимущественно мало пригодная для стадных копытных растительность. Поэтому рост численности копытных часто напрямую зависел от возможностей кормовых территорий, преимущественно на водоразделах, поросших ксерофитными травянистыми ассоциациями, кочкарником, лишайниками и редкими кустами. Кроме того, контроль над численностью травоядных видов в позднем плейстоцене осуществлялся хищниками, среди которых были такие опасные звери, как пещерный лев и медведь, гиена, а также плейстоценовый волк. Единственным же серьезным врагом мамонта был человек²⁰⁰.

Во второй половине верхнего палеолита на Русской равнине обитали группы населения, которые специализировались на охоте на мамонта²⁰¹. Собирачество костей (использовавшихся для домостроительства, отопления и как поделочный материал), так же как и других ресурсов, однако, играло очень важную роль, о чем свидетельствуют находки выветренных костей и большой разброс ¹⁴C датировок по мамонтовым костям на поселениях. Занимая нишу специализированного и вместе с тем высокоадаптированного хищника, человек конца верхнего палеолита, безусловно, был необходимой частью пищевой цепочки и выполнял функцию регулятора численности травоядных в их системе природопользования.

Следовательно, распад мамонтового териокомплекса на рубеже плейстоцена и голоцена неминуемо влек за собой и кризис в экономике первобытного человека, особенно в центральной части Русской равнины, где добыча копытных многократно уступала охоте на мамонта. Перестройка источников основных пищевых ресурсов, связанная с таянием ледника 15–11 тыс. л. н., и постепенное замещение холодолюбивой флоры и фауны на теплолюбивую не могло пройти для первобытных коллективов безболезненно.

Люди в самом конце ледниковой эпохи оказались в совершенно новом для них природном окружении. Изменилось соотношение продолжительности теплых и холодных периодов в году, а также привычный водный баланс рек и количество дней с сухой погодой. Происходило массовое вымирание крупных стадных млекопитающих, и одновременно началась миграция новых лесных видов с иным жизненным циклом и стратегией поведения. Основы материальной культуры охотников верхнего па-

леолита оказались подорваны. Состав каменного и костяного инвентаря у поздневалдайских культур в конце верхнего палеолита на Русской равнине в значительной степени был технологически и типологически снивелирован. Для каменной индустрии было характерно простое ударное расщепление каменным и реже мягким отбойником, нацеленное на получение регулярных пластин средних размеров. Микроинвентарь состоял из простых вкладышевых форм (вариаций пластин и острий с притупленным краем), а основной орудийный набор — из ординарных и комбинированных форм резцов и скребков. Каменные наконечники метательного вооружения в позднюю пору верхнего палеолита (в отличие от средней поры) не были в ходу, но зато набор наконечников копий, дротиков и стрел включал разнообразные формы острий из кости, рога и бивня, в т. ч. пазовые, а также богато орнаментированные изделия. Среди них, однако, отсутствовали зазубренные орудия (гарпуны, остроги, рыболовные крючки).

В целом упрощение набора охотничьего вооружения к концу верхнего палеолита было завершающим этапом в развитии историко-культурной области охотников перигляциальных равнин Восточной Европы. Сходный процесс со своей спецификой происходил и в Западной Европе, где также широкое пространственное распространение получили мадленские культуры, основанные на добыче стадных копытных, прежде всего северного оленя.

В условиях стабильности ледниковой обстановки и постоянства фаунистического окружения охотники на мамонтов Русской равнины выработали эффективную стратегию жизнеобеспечения, основанную на эксплуатации пространства, ограниченного с севера ледником, а с юга — степной зоной. Поселения с мощным культурным слоем, свидетельствующим как минимум о регулярном, а возможно, и постоянном обитании людей на одних и тех же местах, были расположены не далее 150 км от выходов каменного сырья, что отражает степень эффективности транспортировки и утилизации последнего в рамках использовавшейся техники расщепления.

При этом наличие полного цикла расщепления даже на максимально удаленных от выходов каменного сырья поселениях (классический пример: Костенки) говорит о том, что трудностей с его доставкой или обменом первобытные люди не испытывали. С этой точки зрения странно выглядит отсутствие в их инструментарии каменных наконечников метательного вооружения — элементарного в смысле изготовления и переоформления, а также легко возобновляемого охотничьего ресурса. Тогда как трудоемкое изготовление наконечников из кости (особенно крупных изделий из бивня),

а также их избыточная орнаментация может свидетельствовать о глубоком консерватизме и, возможно, о ритуализации связанных с ними культурных норм. Переоформление и возобновление таких орудий в случае утраты было сопряжено с гораздо большими трудностями, чем в случае с каменными наконечниками.

Не исключено, что доминирование среди метательных снарядов именно костяных изделий непосредственно связано со способом охоты, которая обычно рассматривается как коллективная и загонная. Действительно, в случае преобладания такого способа добычи зверя, особенно в окружении открытых пространств и при доскональном знании поведения стадных видов животных, шанс утраты такого копья или дротика должен быть намного меньше аналогов, оснащенных хрупкими наконечниками из кремня. Эффективность применения последних для охоты на мамонта выглядит весьма проблематичной. Вымирание ледниковой фауны неизбежным образом положило конец как прежней охотничьей стратегии людей верхнего палеолита, так и традиционной технико-типологической структуре их каменной и костяной индустрии.

Климатические изменения позднеледниковья и материальная культура человека в финальном палеолите

Среди проблем, которые очевидным образом решал человек позднеледниковья в условиях перестройки животного и растительного мира, были:

- 1) поддержание высокой степени мобильности и быстрого перемещения на значительные расстояния, т. к. обеднение пищевых ресурсов и возросшая сезонно-климатическая изменчивость не позволяли поддерживать традиционное природопользование;
- 2) техническое и технологическое переоснащение, непосредственно связанное с мобильным образом жизни и новыми принципами организации охоты — применение эффективных способов утилизации каменного сырья и внедрение инноваций в составе охотничьего вооружения.

Если первая задача не требовала революционных изменений, но логичным образом приводила к необходимости миграции за пределы прежних территориально-племенных границ, то решение второй задачи кардинально меняло весь облик материальной культуры первобытных охотников. Постоянные перемещения и периодическая удаленность от выходов кремня требовали совершенствования техники расщепления, изначально основанной на избирательном подходе к качеству сырья,

а также стандартизации форм орудий охотничьего инвентаря (т. е. их взаимозаменяемости). Иной путь предполагал бы адаптацию на новых неосвоенных территориях к разнообразному местному, но не обязательно всегда качественному каменному сырью. Результатом последнего должно было стать появление каменных индустрий с недифференцированным подходом к доступности качественного кремня, а следствием — массовое производство нерегулярных заготовок, возрастание роли крутой формообразующей ретуши и минимализация роли микропластинчатой техники.

Таким образом, необходимость выживания в новых условиях предоставляла человеку два совершенно противоположных варианта технического развития. Интересно отметить, что оба эти варианта реализовались в финальном палеолите в виде регулярно-пластинчатой свидерской индустрии и нестандартизированной индустрии бромме (лингби), а в раннем мезолите нашли конечное воплощение в стандартизованных кундской и бутовской культур и нерегулярных отщепово-пластинчатых — гренской, песочно-ровской и иеневской.

Новые типы орудий в охотничьем вооружении в каменном и костяном инвентаре, судя по восточно-европейским находкам периода финального палеолита, были следствием прямого заимствования из западноевропейского культурного мира. К ним относятся костяные и роговые наконечники метательного вооружения с зубцами (простые, двурядные гарпуны и остроги), а также каменные наконечники стрел черешкового типа. Гарпуны из рога северного оленя известны по случайным находкам в торфяниках Прибалтики и Восточной Пруссии²⁰². Их формы соответствуют позднемадленским изделиям с характерными клювовидными зубцами. Черешковые наконечники метательного вооружения также имеют прототипы в позднемадленских индустриях (гамбургской, крезвельской). Самые восточные гамбургские памятники исследованы на территории Польши, а отдельные находки наконечников гамбургского типа известны на территории Литвы²⁰³.

Черешковые наконечники считаются свидетельством широкого распространения лука и стрел. Для финального палеолита, судя по находкам в Арнсбургском торфянике, широкое употребление лука для охоты на северного оленя доказано²⁰⁴. Лук был, вероятно, известен первобытному человеку уже в верхнем палеолите, но не играл первостепенной роли. В западноевропейском мадлене он с успехом совмещался с копьеметалкой. В Восточной Европе находки копьеметалок не известны, но кремневые наконечники, не могущие быть ничем иным, кроме наконечников стрел, например, известны в стрелецкой, гмелинской и костенковско-авдеевской индустриях, а бивневые

мелкие «стрелки» являются общим фоном в категории костяных острий. Распространение черешковых наконечников в финальном палеолите Восточной Европы сопровождалось, как считается, не столько миграцией идей, но и миграцией самих носителей этого культурного комплекса с запада на восток. Прослеживается две разнокультурных и одновременных волны переселенцев — памятники типа бромме (лингби) и свидер.

На северо-западе Русской равнины наиболее раннему технокомплексу финального палеолита, согласно североευропейской хронологии, находящему аналогии в аллередских стоянках Польши и Дании, соответствуют памятники с характеристиками кремневого инвентаря типа бромме. Для данного технокомплекса было характерно первичное раскалывание с использованием жесткого отбойника, направленного на получение массивных пластинчатых заготовок, которые скалывались с призматических одноплощадочных подконусовидных нуклеусов и в меньшей степени двухплощадочных. Орудийный набор включал крупные черешковые наконечники типа лингби, скребки на широких пластинчатых отщепках (в том числе высокой формы) или укороченных пластинах, крупные аморфные рубящие-нуклеовидные изделия, резцы на отщепках и пластинах с множественными резцовыми сколами — двугранные, многофасеточные, а также ретушные.

К технокомплексу бромме относятся несколько памятников на северо-западе Русской равнины в бассейне Немана, Днепра и Волги, но абсолютные датировки у них, так же как у более многочисленных памятников бромме на территории Украины, отсутствуют²⁰⁵. Стоянки на территории Польши, имеющие определения ¹⁴C, маркируют период обитания населения с традициями технокомплекса бромме в пределах второй половины — конца аллереда²⁰⁶. Распространение с запада на Русскую равнину носителей технокомплекса бромме, следовательно, происходило не позднее финала аллереда и начала позднего дриаса 11–10,5 тыс. л. н. Области распространения мигрантов охватывали современные территории Литвы, украинского Полесья, Поднепровья и Валдая. Таким образом, можно реконструировать пути продвижения населения бромме из пределов Повисленья в Восточную Прибалтику и Среднее Поднепровье, а затем в верховья Днепра и Волги. Скорее всего восточную часть северо-запада Восточной Европы они осваивали уже в позднем дриасе — тогда, когда технокомплекс бромме на западных территориях уже полностью исчез (рис. 37).

Второй и более поздний технокомплекс памятников финального палеолита на нашей территории связан со свидером. Свидерский технокомплекс характеризуется развитой технологией получения пластин с помощью мягкого отбойника,

скалывавшихся с ладьевидных двухплощадочных и одноплощадочных призматических нуклеусов. В орудийный набор входят свидерские наконечники с вентральным уплощением насада, скребки и резцы (среди которых преобладают ретушные и двугранные), изготовленные на пластинах, а также двусторонне обработанные рубящие орудия четких форм. К свидерскому технокомплексу на северо-западе Русской равнины относятся стоянки в Литве, Латвии, белорусском Поднепровье, Подесенье и Подвинье²⁰⁷. На территории белорусского и украинского Полесья и юго-восточной Балтики, которые составляют коренную область свидера, в настоящее время зафиксировано порядка тысячи стоянок и местонахождений, относящихся к этой культурной общности. Близок к свидерскому кремневый комплекс находок из 2-го раскопа Подола-III на Валдае²⁰⁸. Возможно также отнесение к нему комплексов находок со стоянок Дорки-6 на Валдае и Марьино-4 в бассейне р. Мологи²⁰⁹.

К сожалению, подавляющее число находок свидерского облика, так же как и большинство остальных памятников рубежа плейстоцена и голоцена, представлено местонахождениями с разрушенным культурным слоем и стоянками без естественнонаучных определений и абсолютных дат. Но для решения вопроса о времени и путях проникновения свидерского населения на Русскую равнину имеется больше аналитических данных.

Свидерские находки слоя С на стоянке Кабяляй-2 в Южной Литве²¹⁰ датируются палинологически и по серии радиоуглеродных дат концом позднего дриаса и до начала пребореала. На территории Польши известно несколько сотен свидерских памятников, среди которых лишь единичные имеют радиоуглеродные датировки (Цаловане, слои ба-6b, Рыдно-1 и 3, Войново-2); именно они и определяют рамки существования этого технокомплекса в Польше с середины позднего дриаса и до самого начала пребореала 10,5–10 тыс. л. н.

Геохронологический контекст имеет также свидерская стоянка Саласпилс Лаукскола в Латвии. Время существования береговой морской линии в Саласпилсе определяется периодом существования Балтийского ледникового озера в позднем дриасе. Сама стоянка приурочена к древней дельте Даугавы, сформировавшейся не ранее середины позднего дриаса, а культурные остатки могут быть отнесены к концу этого периода (11–10 тыс. л. н.)²¹¹.

Для стоянки Иванцов Бор в Верхнем Подвинье, расположенной на ледниковом песчаном всхолмлении, имеется геологическое определение — конец позднего дриаса, когда материалы культурного слоя были перевезены и переотложены на низком уровне (дунная фаза)²¹².

На Валдае из раскопа 2-й верхневолжской стоянки Подол-III имеется палинологическое определение заполнения ямы с кремневым инвентарем смешанного облика (типа бромме и свидероидного характера) финалом позднего дриаса²¹³. Однако присутствие в заполнении ямы двух разнокультурных комплексов кремневого инвентаря не позволяет связать датировку только с одним свидероидным комплексом.

Наконец, геоморфологическая привязка стоянки Марьино-4 с переходным к мезолиту позднесвидерским инвентарем к краю первой надпойменной террасы р. Мологи²¹⁴ позволяет отнести время ее функционирования к рубежу плейстоцена и голоцена в широком смысле (порядка 10 тыс. л. н.).

Судя по имеющимся естественнонаучным данным, свидерцы продвигались с запада на восток начиная с середины — второй половины позднего дриаса 10,5–10 тыс. л. н. Пути их распространения несколько отличаются от направления миграции носителей традиций бромме. Находки технокомплекса бромме отсутствуют в Латвии и Подвинье — регионах, в которых представлены лишь свидерские памятники, но имеются в верховьях Днепра, где свидерский технокомплекс получил развитие лишь в мезолите (наиболее северным проявлением свидера в белорусском течении Днепра пока является комплекс стоянки Яново, выполненный на импортном сером кремне)²¹⁵. Южные территории распространения свидера охватывают Подесенье, Вольты, Прикарпатье, доходят до горного Крыма²¹⁶.

Хронология свидерских памятников заходит в пребореал, и если на раннем этапе они сосуществовали с населением технокомплекса бромме, то на позднем — с раннемезолитическими культурами. Большое количество свидерских находок на столь огромной территории вне хронологических привязок, а также фактическая невозможность выделить поздние и ранние черты в развитии свидерской индустрии затрудняют реконструкцию путей расселения свидерского населения в позднем дриасе. Судя по данным, имеющимся для северной части ареала распространения свидерского технокомплекса, люди двигались вдоль побережья Балтики — через Понеманье и Полесье проникли в бассейны черноморских рек, а через Подвинье — в бассейн Волги (*рис. 37*).

Таким образом, носители черешкового комплекса и бромме, и свидера принесли на северо-запад Восточной Европы готовый комплекс охотничьего вооружения, резко отличный от местного верхнепалеолитического. Различия проявляются как на категориальном уровне (черешковые наконечники, рубящие орудия), так и на технологическом (крупные пластинчатые заготовки, подконусовидные нуклеусы бромме и ладьевидные

свидера). В обеих индустриях отсутствует традиционная микропластинчатая вкладышевая техника (пластинки с притупленным краем), а костяное вооружение, судя по сохранившимся находкам в Прибалтике, включало гарпуны и остроги, которые не характерны для позднего верхнего палеолита Русской равнины.

Преемственность местного верхнего палеолита с памятниками рубежа плейстоцена отстаивается рядом исследователей²¹⁷, но пока не подтверждена соответствующими радиоуглеродными датировками. Возраст археологических находок древнее, чем поздний дриас определен по данным палинологического анализа для некоторых материалов стоянок Баранова Гора (беллинг) и Подол-3 (аллеред) на оз. Волго, а палеомагнитным — для стоянки Вышегора-1 (беллинг/аллеред) на Верхнем Днепре²¹⁸. Финально плейстоценовый возраст, согласно стратиграфической позиции находок, предполагается для стоянок Золоторучье-1 и Федюково-1 в Ярославском Поволжье²¹⁹ и Вашана в Тульской обл.²²⁰ При этом кремневые изделия Подола-3, Вышегоры-1 и Федюково-1 относятся к черешковому комплексу, а материалы Золоторучья-1, Барановой Горы и Вашаны содержат материалы мезолитического облика с развитой техникой отжима пластин. Временной разрыв между поздними стоянками верхнепалеолитического облика (~13,5–13 тыс. л. н.) и памятниками финальнопалеолитического черешкового комплекса (11–10 тыс. л. н.) составляет не менее 2,5 тыс. лет. Хронологическая лагуна падает именно на тот период, в течение которого происходила кардинальная ломка экосистемы первобытных охотников в конце ледниковой эпохи и формирование новой природной обстановки.

Особенности формирования лесной зоны на северо-западе Восточной Европы на рубеже плейстоцена и голоцена

Таяние ледника на территории Русской равнины имело катастрофическое влияние на изменение флористического и фаунистического окружения первобытного человека. Процесс дегляциации не был моментальным и нашел отражение в так называемом дриасовом периоде — кратковременном по геологическим меркам (4–5 тысячелетий), но вобравшем в себя революционные перемены во всех аспектах природного окружения человека. Наиболее отчетливые следы дегляциации и освобождения значительной территории Восточной Европы от ледника фиксируются около 15–14 тыс. л. н. Ледник в краевой зоне тогда распался на множество микроязыков (вепсовская стадия).

В раннем дриасе 13–12,8 тыс. л. н., сопровождавшемся суровыми климатическими условиями и распространением полярной флоры, ледник частично сохранял контроль над междуречьем Западной Двины и Волги.

В беллинге 12,8–12,3 тыс. л. н. льды отступили до Карелии. Похолодание среднего дриаса 12,3–12 тыс. л. н. на Русской равнине отмечено несколькими поясами конечноморенных образований, свидетельствующих о последовательном регрессивном характере дегляциации на этом этапе. Многие современные исследователи склонны не выделять средний дриас в отдельный стадиал, а рассматривать его как завершение беллинга²²¹.

В период аллередского потепления 12–11 тыс. л. н. ледник сократился до внутренней части Скандинавии. Климатические условия тогда почти не отличались от современных, что способствовало распространению на большей территории влажного климата.

Последнее наиболее значительное похолодание в позднем (молодом) дриасе 11–10,3 тыс. л. н. ознаменовалось последним наступлением ледника до южной Финляндии и кратковременным возвращением перигляциальных условий²²².

Наступление раннего пребореального потепления 10,3–10 тыс. л. н. и окончательное сокращение ледника до пределов Центральной Скандинавии положило конец господству холодного сухого климата. На рубеже плейстоцена и голоцена формируется климат, близкий к современному²²³.

Важным событием в дриасовое время было изменение экологической зональности. В ледниковое время природно-климатические пояса были радиально-зональными. От ледникового щита, центр которого располагался в Скандинавии, радиально-последовательно располагались следующие ландшафтные зоны: ледниковая пустыня, приледниковая тундра, тундростепь, лесотундра, лесостепь и степь. Эти зоны опоясывали ледниковую шапку по окружности, радиально расходясь от

центра, располагавшегося в Скандинавии, к периферии.

В период дриасовой перестройки климата эколого-климатическое районирование начинает очень постепенно приближаться к современному широтному, но благодаря позднеледниковым осцилляциям, периодическому возвращению холодных условий этот процесс носил колебательно-поступательный характер. Определяющими векторами природных изменений было увеличение среднегодовых температур вместе с резким ростом влажности и постепенное облесение территории²²⁴. Распространение лесной растительности на огромных пространствах, как следует из палиноспектров финальноплейстоценовых разрезов, происходило главным образом за счет кустарников и березы — наиболее адаптивных древесных пород²²⁵. Вторым эшелонем выступал хвойный лес, причем в относительно ксерофитных районах первое место среди хвойных принадлежало сосне, а во влажных условиях первенствовала ель. В оптимум аллереда северо-восточная часть Русской равнины приближалась по растительному покрову к темнохвойной тайге, а средняя полоса — к борovým лесам. Широколиственные еще породы не являлись постоянной составляющей лесных массивов, кроме южных районов, т. к. неустойчивость климатической обстановки сдерживала поступательность их роста.

Леса распространялись очень неравномерно, т. к. ледниковая зональность, а также погребенный мертвый лед в бывшей краевой зоне оледенения все еще оказывали серьезное влияние на распространение древесной растительности. Мозаичный состав и поступательно-регрессивный характер распространения лесной растительности обусловил общую неустойчивость экологических условий на северо-западе Восточной Европы в финале плейстоцена, но в региональных особенностях тех или иных районов сохранялась определенная преемственность ландшафтов на протяжении всего дриасового времени (*табл. 3*).

Таблица 3

Динамика изменения растительности на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе Восточной Европы

	Польская низменность ²²⁶	Восточная Белоруссия ²²⁷	Лубанская низина ²²⁸	Южная Карелия и Ленобласть ²²⁹	Верхняя Волга ²³⁰
Беллинг	Редкостойные березовые леса с элементами парковой тундры	Березово-сосновые леса с подлеском из ели, ольхи, ивы и орешника		Редкостойные березовые и сосново-березовые леса в сочетании с открытыми тундро-степными сообществами	Елово-сосновые леса, полынно-маревые и кустарничковые группировки

	Польская низменность ²²⁶	Восточная Белоруссия ²²⁷	Лубанская низина ²²⁸	Южная Карелия и Ленобласть ²²⁹	Верхняя Волга ²³⁰
Аллеред	Березово-сосновые и сосновые леса. На юге с примесью ели, кедра, лиственницы	Хвойные и березово-хвойные леса с незначительной примесью широколиственных	Сосново-березовые леса с участием лиственницы	Березово-сосновые и елово-сосновые таежные леса	Сосново-березовые и сосновые леса с примесью ели, широколиственных пород и разнотравья
Молодой Дриас	Травянистые тундро-степные сообщества (до 50 %). Разрозненный березовый лес с сосновыми островками	Редкостойные сосновые и березово-сосновые леса с открытыми остепненными участками	Березовые редколесья с незначительной примесью сосны. Тундростепные и субарктические травяные сообщества	Лесо-тундровые сообщества с преобладанием кустарниковой растительности	Березовые леса с участием сосны и господством травянисто-кустарничковых группировок
Пребореал	Березовые леса. На юге бореальные и таежные сообщества и с участием лиственницы, кедра, широколиственных	Сосново-березовые леса с примесью ели на равнинах, сосновые леса с примесью широколиственных на возвышенностях	Сосново-березовые леса с кустарничковыми группировками	Редкостойные березовые леса	Березовые и сосново-березовые леса, луговая растительность

В беллинге на территории Восточной Балтики сохранялись природные условия предтундровых редколесий, а в Верхневолжье уже существовали елово-сосновые леса северо-таежного типа. Флора этого периода еще плохо изучена на восточно-европейской территории. Судя по видовому многообразию, она варьировала в крайних проявлениях от лесотундры на западе до лесостепи на востоке на одних и тех же умеренных широтах, а в бассейнах крупных рек Русской равнины была представлена островными лесами²³¹.

В аллереде лесная растительность уже доминировала во всем регионе, но имела территориальные особенности. В западной части Восточной Европы среди древесных пород были наиболее распространены сосна и береза, а в восточной внутриматериковой области стояли смешанные леса с заметной примесью ели и широколиственных пород. Климатические условия в Восточной Европе в это время были мягче, чем на востоке Западной Европы. Так, в Южной Балтике тундровые и лесотундровые группировки были представлены до 51° с. ш., а на нашей территории не опускались ниже 58° с. ш.²³² Между 50 и 53° с. ш. на северо-западе Восточной Европы преобладали сосново-березовые и еловые леса с участками полынно-типчаковых степей и кустарниковых тундр, а между 47 и 50° с. ш. ландшафты состояли из комбинации сосново-березовых лесов

с отдельными группировками тундровых ассоциаций и разнотравных степей. Южнее располагались лесостепные злаково-разнотравные степные фитоценозы с байрачными лесами по долинам рек²³³.

В период похолодания молодого дриаса резко возросла континентальность климата, вновь усилившая дифференциацию растительного покрова с запада на восток. В Восточной Балтике восстановились условия березово-сосновой лесотундры, но во внутренних районах сохранялись крупные лесные массивы северо-таежного типа. В бассейнах Днепра и Волги были распространены разреженные хвойные леса с участием реликтовых широколиственных пород. Специфика растительного покрова в позднем дриасе заключалась в том, что бореальные леса простирались далеко на восток, а лесостепные и степные фитоценозы достигали Западной и Южной Европы. Южная граница криолитозоны (многолетнее сезонное промерзание грунтов) в Восточной Европе доходила до 53° с. ш.²³⁴, но природная обстановка в целом была благоприятнее аналогичных в широтном отношении территорий северо-европейских равнин, где из-за продвижения ледника на юг Швеции доминирующим видом ландшафта стала перигляциальная лесотундра²³⁵.

Лишь наступление голоцена кардинально изменило общую картину. В пребореале началось формирование современной растительной зональности,

причем в западном ареале резкое потепление из-за соединения Балтики с Мировым океаном (спуск Балтийского ледникового озера и образование Иольдиевого моря) способствовало достаточно быстрому распространению деревьев широколиственных пород, тогда как в внутриконтинентальной области этот процесс шел медленнее. Сосново-березовые леса позднего дриаса в Восточной Европе постепенно трансформировались в сосново-елово-березовые леса с участием широколиственных пород. Началась экспансия лесной растительности как на север, в зону тундр, так и на юг в степной пояс²³⁶.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по обзору истории формирования лесного пояса на северо-западе Восточной Европы:

1. Начало широкого распространения лесов было положено в уже беллинге и обрело устойчивость в аллередское потепление.
2. Открытые участки незалесенных пространств (реликты тундростепей) сохранялись на протяжении всего позднеледниковья вплоть до раннего голоцена, но, кроме западных и северных районов, они не способны были вытеснить лесные сообщества (даже в холодный экстремум позднего дриаса) и имели тенденцию к резкому сокращению в периоды потеплений.
3. В позднеледниковое время флористическое окружение первобытного человека во внутриконтинентальных областях отличалось большим разнообразием лесной растительности, чем в западной приморской провинции, причем как в период потеплений, так и похолоданий климата.

Динамика изменения состава фауны как вектор хозяйственной адаптации охотников финального палеолита

Не менее, а скорее более важным, чем перестройка ландшафтов на границе плейстоцена и голоцена, для первобытного человека являлась динамика изменения фаунистического окружения. Тенденция смены фаунистического комплекса прослеживается довольно явно — это исчезновение основных гиперзональных видов мамонтового териокомплекса и замещение их животными, приспособленными к обитанию в эконишах, формирующихся на бывшей приледниковой территории зон леса, лесостепи и степи.

Общее увлажнение и облесение территорий стало основным фактором, определившим вымирание мамонта. Вслед за исчезновением основного конкурента стадные копытные животные получили возможность резкого увеличения популяции. На первичном этапе распространения лесов, представлявших собой

сосново-березовые редколесья на фоне сменившихся тундростепей луговых сообществ, северный олень и лошадь стали основными обитателями огромных пространств. Следует отметить, что эти виды, прежде обитавшие в составе мамонтового териокомплекса фактически чересполосно, стали постепенно разделяться по ареалам формировавшихся климатических зон: северный олень занял резко сузившийся ареал тундростепей и лесотундру, а лошадь — более южные лесостепные области, поделив на тебеневке степь с бизоном. Постепенно разрастающийся пояс лесов в конце концов полностью разделил эти виды травоядных. Параллельно происходило увеличение роли собственно лесных видов — лося, кабана, благородного оленя, зубра и бобра.

Формирование современной широтно-зональной экосистемы охватывало период времени около 4 тысячелетий. Какие же животные являлись основной промысловой добычей человека в дриасовый период, когда новая экосистема еще не обрела стабильность? К сожалению, археологические памятники финального палеолита на северо-западе Восточной Европы не дают ответа на этот вопрос, т. к. органические материалы на них не сохранились. Поэтому реконструкции промысловой фауны охотников позднеледниковья строятся на параллелях с финальнопалеолитическими стоянками Южной Скандинавии и Северогерманской низменности, на некоторых из которых такие материалы имеются.

Однако для региональных реконструкций по огромной территории Восточной Европы при многообразии позднеледниковых ландшафтов таких данных явно недостаточно. Ключом к решению данной проблемы может стать обращение к данным палеозоологических реконструкций, позволяющих проследить распространение ареалов обитания тех или иных животных сообществ на основании находок так называемых видов-эдификаторов, которые могут обитать лишь в определенном природном окружении. Так, мамонт является эдификатором плейстоценовой тундростепи, северный олень и песец — тундры и лесотундры, кабан и бобр — сомкнутых лесов, а лошадь и бизон — лесостепи и степи.

Попытаемся соотнести данные по путям расселения человека в позднеледниковье и ареалы обитания некоторых наиболее важных из них — мамонта и северного оленя, т. к. первый из них считается основным промысловым животным верхнего палеолита, а второй — финального палеолита.

Мамонт

В беллинге-аллереде находки мамонта известны преимущественно в периферийных районах его прежнего обитания. Наиболее южные находки сде-

ланы на Южном Буге²³⁷, а наиболее северные с радиоуглеродной датировкой $12\ 620 \pm 500$ л. н. (GIN-8676) — в нижнем течении р. Шексны²³⁸. Поздние ¹⁴C датировки по костям мамонта в пределах 12–11 тыс. л. н. известны в средней части Русской равнины лишь из верхнепалеолитических памятников Десны и Днепра, но они крайние в сериях дат, относящих эти поселения к еще поздневалдайскому времени²³⁹.

Случайная находка зуба мамонта была сделана Л. Л. Зализняком на свидерской стоянке Березно-6 на р. Случь на Волыни в отложениях ниже слоя, относящегося к позднему дриасу. Полученные по нему даты — $11\ 200 \pm 110$ л. н. (Ki-6262) и $10\ 560 \pm 200$ л. н. (Ki-5511), возможно, доказывают доживание здесь поздних мамонтов до рубежа аллереда/позднего дриаса²⁴⁰. Существует точка зрения об общем стрессовом состоянии мамонтовой популяции накануне окончательного ее исчезновения, что подтверждается свидетельствами измельчания вида в позднеледниковье на Русской равнине²⁴¹ и в голоцене на крайнем северо-востоке Сибири²⁴².

В молодом дриасе и в начале голоцена находки костей мамонта обнаружены лишь в северной части его прежнего ареала (рис. 38). В Эстонии финалом позднего дриаса — началом голоцена датирован мамонт из Пуурмани: $10\ 100 \pm 100$ л. н. (Hela-423) и $10\ 200 \pm 00$ л. н. (Hela-423)²⁴³, а в Вологодской обл. пребореалом — 2 находки: в районе г. Череповца: 9760 ± 40 л. н., (GIN-8885c), 9810 ± 100 л. н. (GIN-8676a), 9840 ± 50 л. н. (GIN-8885b)²⁴⁴ и вблизи пос. Большая Сельменга $10\ 000 \pm 800$ л. н. (LE-5521)²⁴⁵.

Северный олень

Находки северного оленя в фауне поздневалдайского времени на территории Русской равнины (рис. 39), за исключением Поднестровья, довольно редки, что объясняет отсутствие специализированной охоты на него²⁴⁶. В беллинге и аллереде количество находок северного оленя, по-видимому, не увеличивается, хотя абсолютные датировки этого времени по его костям, в отличие от мамонта, неизвестны или не опубликованы²⁴⁷.

Ранним аллередским временем $11\ 900 \pm 230$ л. н. (ГИН-8) по кости и беллингом $12\ 300 \pm 140$ л. н. (ГИН-9) по углисту суглинка датируется 2-культурный слой Молодова-5 на Днестре, в котором северный олень составляет большинство фаунистических останков²⁴⁸. В верхних слоях Молодовы-1 и 5, залегающих в кровле плейстоценового лесса и основании голоценовой почвы, северный олень также преобладает²⁴⁹, что свидетельствует об устойчивости условий его обитания в Прикарпатье до начала голоценового потепления. Интересно отме-

тить, что местный плейстоценовый северный олень отличался более мелкими размерами по сравнению с западноевропейским и по особенностям строения костей конечностей был приспособлен к обитанию в местностях с невысоким снежным покровом²⁵⁰.

В позднем дриасе находки северного оленя еще более редки, как, впрочем, и останки других млекопитающих. На севере Западной Европы, где северный олень обнаружен в археологическом контексте, он был главным промысловым видом, на который охотились в финальном палеолите²⁵¹. Все известные позднеледниковые находки костей северного оленя в восточных прибалтийских странах были недавно опубликованы, а по 12 из них получены радиоуглеродные даты в промежутке от $12\ 085$ до 9970 л. н., которые укладываются в поздний дриас и начало пребореала²⁵². Морфологически прибалтийские северные олени близки датским и северо-германским находкам.

Поздние даты были получены и для стоянки Вашана в Тульской обл., фауна которой представлена северным оленем, бизоном и зайцем: 9680 ± 160 л. н. (LE-6644) по кости и 9600 ± 450 л. н. (LE-6285) по древесному углю²⁵³. Однако столь поздние даты противоречат залеганию культурного слоя в плейстоценовом суглинке на глубине 3,5 м от поверхности. Аналогичная фауна была обнаружена на стоянках Федюково-1 (северный олень) и Золоторучье-1 (северный олень, бизон) под Ярославлем, относящихся по геологическим условиям к позднеледниковью и датирующихся, по мнению М. Г. Жилина, поздним дриасом²⁵⁴.

Фауна начала пребореала в мезолитических памятниках Прибалтики и Волго-Окского междуречья представлена уже полностью сложившимся лесным комплексом животных (лось, кабан, бобр и др.)²⁵⁵, а северный олень встречается эпизодически. Наиболее ранний возраст находок северного оленя из 3-го культурного слоя Станового-4 и нижнего культурного слоя Ивановского-7 по палинологическим и радиоуглеродным датам относится ко второй половине пребореала, когда отмечается похолодание климата.

Судя по тому, что позднеледниковый тундровый олень (*Rangifer tarandus tarandus*) не переживает начало голоцена, поздние пребореальные и бореальные находки связаны генетически с другим, лесным подвидом (*Rangifer tarandus fennicus*). По мнению П. Укконена²⁵⁶, современный северный олень Фенноскандии имеет своим предком не плейстоценового, а именно этого лесного северного оленя, который расселялся в лесном поясе от Приуралья на запад, и достиг Лапландии к началу атлантикума. Он отличался от тундрового собрата чуть более мелкими размерами и нестадным образом жизни.

Таким образом, имеющиеся данные к палеозоологической реконструкции обитания мамонта и северного оленя практически совпадают: оба вида вымирают к началу голоцена повсеместно на северо-западе Русской равнины. Следовательно, ни тот, ни другой вид не могли быть объектом специализированной охоты, способной поддерживать стабильность материальной культуры человека в позднеледниковье. Именно здесь нужно искать объяснение культурного hiatus на рубеже плейстоцена и голоцена на северо-западе Русской равнины.

Разрастание лесов в беллинге, а особенно в аллереде, способствовало формированию эконоши лесных охотников бореальных лесов. В финале аллереда в процессе постепенного освоения лесной зоны на северо-запад Русской равнины пришло население технокомплекса бромме. Памятники этой культурной традиции и в Западной, и в Восточной Европе остаются в пределах лесного пояса, и на датских стоянках содержат типичную лесную фауну²⁵⁷. Поэтому связывать первый этап проникновения черешкового комплекса в Восточную Европу с охотниками на северного оленя нет оснований.

Иная картина сложилась в период похолодания позднего дриаса. Восстановление перигляциаль-

ных условий в приморской области Восточной Европы способствовало тому, что сюда проникла популяция западно-европейского северного оленя, за которым устремились свидерские охотники по границе лесной и тундровой зоны. Рефугиум позднеледниковой фауны, по-видимому, сохранялся и в Прикарпатье, что также совпадает с расселением в украинском Полесье свидерского населения на стыке ландшафтов — по краю лесов. Скорее всего свидерская колонизация восточноевропейских территорий была быстрой в связи со стремительностью климатических изменений. На втором этапе, к началу голоцена, когда северный олень стал исчезать, свидерское население тоже успешно освоило эконошу охотников бореальных лесов, о чем говорит его проникновение далеко на восток в Волго-Окское междуречье.

Поздние верхнепалеолитические культуры не имели культурных наследников на северо-западе Русской равнины в финальном палеолите. В конце плейстоцена в лесном поясе наряду с населением бромме и свидера, по-видимому, существовали памятники типа Золоторучья-1 и Вашаны, аналогии которым нужно искать в Приуралье²⁵⁸. Культурный симбиоз отжимной технологии получения пластин и наконечников стрел черешкового комплекса, характерный для мезолита региона, может иметь свои корни в переплетении всех этих традиций.

Сорокин А. Н.

ПИОНЕРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(по материалам исследований могильника Минино 2 в 2006–2007 гг.)

В конце плейстоцена — начале голоцена, на переломе геологических эпох, в северном полушарии Евразии происходили радикальные изменения природной обстановки, вызванные общепланетарным потеплением климата. Эти природные явления привели к изменению ландшафтных зон, способствовали продвижению лесных формаций на север, вплоть до Скандинавии и побережий Ледовитого океана. Радикально изменяется уровень водоемов и стока основных гидрографических систем. Вместе с улучшением и постепенной стабилизацией природной обстановки в средней полосе Восточной Европы происходит становление лесной зоны, развитие лесных формаций и биоценозов, которые изменялись на протяжении всего голоцена, причем особенно радикально в начале периода.

В результате освоения человеком в позднее ледниковье центра Русской равнины и продвижения населения на освободившиеся от ледников территории Северной Европы возникли этнокультурные образования, известные в литературе под терминами «восточный граветт», «постсвидерская» и «постаренбургская» общности. В одних случаях следы миграционных процессов на рубеже исторических эпох — палеолита и мезолита представлены невыразительными стоянками, от которых в песчаных почвах зандровой зоны остались дисперсные пятна культурного слоя и бедный каменный инвентарь. В других, особенно в отложениях торфяников, сохранились насыщенные разнообразными артефактами культурные слои, которые дают представление о разнообразных сторонах жизни населения и общем высоком уровне их развития.

СОДЕРЖАНИЕ

- Введение. Тишков В. А С. 5
- Раздел 1. Археология и антропология С.
- Древнейшие человеческие популяции на территории прикаспийской зоны Северного Кавказа: эволюция материальной культуры. Деревянню А. П., Анойкин А. А., Зенин В.Н. С. 11
- Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы. Аникович М.В С. 18
- Культурные и адаптивные различия палеолита Костенок. Сеницын А. А С. 26
- Основные этапы освоения человеком северо-востока Европы в каменном веке. Павлов П. Ю., Волокитин А. В., Карманов В.Н. С. 31
- Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене. Питулько В. В. С. 38
- Вариабельность палеолитических индустрий и природная среда позднего неоплейстоцена (Западно-Сибирская равнина и Горный Алтай). Кузьмин Я. В., Зольников И. Д., Зенин А. П., Рыбин Е. П., Дементьев В.Н. С. 47
- Адаптационные возможности древнейшего населения Алтая: развитие палеолитических традиций и динамика окружающей среды. Деревянню А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К. С. 50
- Климатическая перестройка на рубеже палеолита и мезолита как фактор культурогенеза на северо-западе Восточной Европы. Лисицын С.Н. С. 56
- Пионеры Европейской России (по материалам исследований могильника Минино 2 в 2006-2007 гг.). Сорокин А.Н. С. 66
- Заселение степной зоны Северной Евразии в эпохи бронзового — железного веков (2-е тысячелетие до н. э. - 1-е тысячелетие н. э.): проблемы хронологии, изменения окружающей среды и миграции. Зайцева Г. И., Семенов А. А., Бузова Н. Д., Лебедева Л. М., Дергачев В. А., Дирксен В. Г., Лохов К. И., Капитонов И. И. С. 73
- Адаптация населения Среднего Дона к природно-климатическим условиям V-IV вв. до н. э. Гуляев В. И. С. 83
- Финальный неолит Приморья: к итогам разработки некоторых проблем. Клоев Н. А., Гарковик А. В., Яншина О. В., Слепцов И. Ю С. 88
- Адаптация, трансформация и взаимодействие культур в голоцене Тоболо-Ишимья в переходные периоды. Зах В. А., Волков Е. Н., Зимина О. Ю., Скочина С. Н., Чикунова И. Ю., Усачева И. В., Цембалюк СИ. С. 97
- Технико-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе. Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф. С. 106
- Развитие древних культур Центральной Азии в контексте климатических изменений (по материалам Минусинско-Хакасских котловин и Тувы). Боковенко Н. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Кулькова М. А., Лазаретов И. П., Семенов Вл. А С. 114
- Кроуновская археологическая культура: один из сюжетов земледельческой экспансии в железном веке в приморской зоне Восточной Азии. Вострецов Ю. Е. С. 123
- Комплексные общества севера Центральной Азии и Южной Сибири в древнетюркскую эпоху (вторая половина 1-го — начало 2-го тысячелетия н. э.). Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. С. 129
- Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце 1-го тысячелетия до н. э. — первой половине 1-го тысячелетия н. э. Худяков Ю. С С. 138
- Возникновение культа царей на эллинистическом Востоке. Кошеленко Г. А., Гаиров В. А С. 141
- Бохайцы в Монголии в эпоху Ляо. Крадин Н. П., Ивлиев А. Л. С. 146
- Структура и этапы формирования городища Иднакар по результатам междисциплинарных исследований. Иванова М. Г., Журбин И. В С. 152
- Мировоззренческий комплекс — ключ к пониманию семантики эпического слова. Топорова Т. В С. 158
- Адаптационные процессы в древней и средневековой культуре Карелии. Косменко М.Г. С. 165
- Об адаптации древнего населения Берингии. Бужилова А. П., Добровольская М. В., Медникова М.Б С. 171
- К проблеме формирования антропологического состава населения Обонежья. Хартанович В. И., Ширококов И. Г. С. 174
- Становление и динамика облика населения Сибири и Казахстана. Балыева Т. С, Веселовская Е. В., Григорьева О. М., Пестряков А. П. С. 182
- Анализ последствий адаптации у некоторых евразийских групп (по данным краниологии, соматологии и одонтологии). Аксянова Г. А., Дубова Н. А., Евтеев А. А., Рыкушина Г. В С. 186
- Социальная среда как фактор отбора адаптивных комплексов в современном обществе. Бутовская М. Л., Веселовская Е. В., Букова В. Н., Прудникова А. В С. 196
- Примечания С. 203